

# СОДЕРЖАНИЕ

|                                                       |     |
|-------------------------------------------------------|-----|
| <b>Предисловие. Что это за книга?</b> .....           | 7   |
| 1. Историю пишут победители .....                     | 25  |
| 2. Авторство и авторитет .....                        | 83  |
| 3. Исторический Иисус и керигматический Христос ..... | 133 |
| 4. Послания и споры .....                             | 191 |
| 5. Общество, империя, церковь .....                   | 255 |
| 6. Ереси в поисках ортодоксии .....                   | 329 |
| <b>Послесловие. Разочарование и надежда</b> .....     | 387 |
| Использованная литература.....                        | 399 |
| Книги Библии, упомянутые в тексте .....               | 421 |
| Другие древние источники .....                        | 427 |



## ПРЕДИСЛОВИЕ

# ЧТО ЭТО ЗА КНИГА?

В конце 2021 г. в издательстве «Альпина нон-фикшн» вышла моя научно-популярная книга под длинным названием, которое многим показалось провокационным (да таким оно и было по замыслу автора): «Библия: Что было “на самом деле”? (Танах / Ветхий Завет)»\*. В ней обсуждались некоторые вопросы интерпретации библейских текстов, прежде всего их соотнесение с исторической реальностью и способности реконструировать эту реальность, исходя из текстов. Книга, кажется, нашла своего читателя.

Вполне естественно, что и издательству, и многим читателям, и мне самому пришла в голову мысль, что неплохо бы написать другую книгу — о Новом Завете (далее — НЗ), а еще лучше — о самом раннем христианстве в целом, потому что оно явно не ограничивалось рамками двадцати семи канонических книг. И весной следующего года я начал собирать и систематизировать материал для книги, еще не зная, удастся ли сесть за ее написание и когда. Я пришел к выводу, что в переломные времена надо постараться успеть сделать то, что должно быть сделано и что можешь сделать именно ты. А садиться писать новую книгу,

---

\* Десницкий 2022a.

на мой взгляд, стоит только в одном случае: ты бы сам хотел такую прочесть, но ее еще не написали.

В 2024–2025 гг. я получил стипендии сначала от Мюнстерского, а затем от Бохумского университета в Германии и с радостью и благодарностью воспользовался возможностью поработать над этой книгой в этих университетах. Именно в Мюнстере и Бохуме была написана основная часть книги.

Говорить и писать о раннем христианстве можно по-разному. Пожалуй, единственное, чего мы не можем, — это рассказать о «типичном дне типичного христианина» в условном 100 году, потому что он практически не отличался от дня, прожитого одним из соседей этого христианина. Как писал около 200 г. автор анонимного «Послания Диогнету», «христиане ни местом жительства, ни языком, ни обычаями не отличаются от прочих людей, поскольку не обитают в особых городах, не пользуются отличным от других наречием и не имеют своеобразного образа жизни. У них нет никакого учения подобного рода, которое было бы изобретено по замыслу и стараниями суетных людей, и привержены они не человеческим идеям, как некоторые. Но христиане, населяя города эллинские и варварские, кому как довелось, и следуя обычаям соотечественников в одежде, пище и в остальном быту, обнаруживают при этом удивительное и, по общему мнению, необъяснимое устройство своей внутренней жизни»\*. Даже если это риторическое преувеличение, оно говорит о многом.

Так что нам едва ли может помочь археология, ведь даже образы, которыми пользовались первые христиане, вовсе не были уникальными. Например, Добрый Пастырь, который несет на плечах заблудившуюся овцу или сидит в окружении своего стада, — это совершенно обычный сюжет

---

\* Гл. 5, перевод автора.

античных фресок, более того, так могли изображать и персонажей языческой мифологии — примерно так же выглядели Гермес Кριοфор («несущий барана») и Орфей Буколос («пастух»). На афинском Акрополе была найдена статуя Мосхофора — юноши, несущего на плечах теленка, она датируется VII–VI вв. до н. э. и считается самым древним подобным изображением. Так что, встретив фреску с изображением Доброго Пастыря, мы совершенно не можем быть уверены, что на ней изображен именно Христос.

К тому же человеку современности бывает трудно оценить, до какой степени мир двухтысячелетней давности отличался от нынешнего. Разумеется, все помнят, что там не было электричества или железных дорог, но то, что имелось (например, письменность), должно бы работать примерно так, как у нас. Но это совсем не так! Приведу пример: когда я уже заканчивал работу над этой книгой, в соцсети у меня состоялся спор с одним человеком, который утверждал: чтобы во всем разобраться, надо найти протокол допроса Иисуса у Пилата, странно, что никто его не ищет. С точки зрения этого человека, все допросы аккуратно протоколировались и записи сохранялись вечно, а потом дошли до нас неповрежденными и до сих пор где-то хранятся. Разумеется, каждое из этих предположений совершенно ошибочно. Количество текстов I в. н. э., так или иначе связанных с христианством, настолько невелико, что их можно все издать под одной обложкой, причем книга будет совсем не толстой, а новые находки крайне редки, и все эти тексты, разумеется, изучены со всех сторон. Это порождает скорее новую проблему: при отсутствии новых материалов ученые испытывают искушение ходить по кругу и бесконечно обсуждать одни и те же вопросы или, наоборот, предлагать оригинальные теории лишь ради их оригинальности.

Впрочем, иногда давние понятия и практики возвращаются к нам в новом виде. Например, в евангельской притче

о милосердном самарянине (Лк. 10:25–37) говорится о том, как священник и левит прошли мимо избитого человека, не оказав ему помощи. Нам кажется, что они это сделали исключительно в силу собственной черствости, но причина, вероятно, оказалась в другом: этот человек был едва жив и если бы он оказался мертвым или умер у них на руках, то само прикосновение к трупам стало бы для каждого из этих священнослужителей тяжелым осквернением и нарушением категорического запрета (Лев. 21:1–4).

Современному человеку довольно трудно понять древние представления о ритуальной нечистоте, сложные ритуалы очищения и их роль в жизни общества. Но в 2020 г. мир накрыла пандемия коронавируса, и все мы так или иначе познакомились со сложными санитарными запретами и даже ритуалами, которые кто-то строго соблюдал, кто-то игнорировал, и в обществе возникали споры, похожие на те, что некогда велись вокруг понятия ритуальной нечистоты и способов избавления от нее.

Как правило, люди судят о раннем христианстве исходя из своих представлений о христианстве современном. Они, конечно, понимают, что тогда люди (и не только христиане) носили другую одежду и ели иную еду, но в том, что касается веры, они, кажется, были примерно такими же, как мы. И в самом деле, нетрудно бывает найти точки сходства. А если об этом размышляет атеист, он тоже обычно исходит из своей нынешней картины и стремится показать, что христиане всегда были такими, какими он их себе представлял.

Так что нет ничего проще, чем начать доказывать: первые поколения христиан всегда соответствовали нашим идеальным представлениям, даже если потом все пошло не тем путем. И нет ничего заманчивее, чем объявить: мы-то как раз объективны, у нас есть научные методы, которые позволяют реконструировать все именно так, как оно было на самом деле. Но обе эти надежды иллюзорны, и читатели,

которые ждут чего-то подобного от этой книги, неизбежно будут разочарованы. Заранее указывая логике научного исследования точку, в которую она должна нас привести, мы, по сути, утрачиваем научность. Полная объективность в гуманитарных исследованиях, по-видимому, недостижима, но она остается идеалом, к которому стоит стремиться — сознавая в то же время свою субъективность и понимая, почему мы ищем ответы на те или иные вопросы.

Даже о евангельских историях люди обычно говорят, имея в виду некую составную картину, где собственно библейский сюжет занимает довольно скромное место среди всех позднейших напластований, как в стихотворении Бориса Пастернака «Рождественская звезда» с яблоками и золотыми шарами на елке. И многие добавляют: но ведь так и надо делать, мы смотрим на те события глазами церкви (современной или средневековой) или глазами науки, якобы совершенно беспристрастной.

В качестве параллели можно привести те воспоминания о 1990-х годах, которые стали появляться на русском языке тридцать лет спустя. Они, как нетрудно заметить, обычно тенденциозны и полемичны. Даже если все факты приведены совершенно точно, сам отбор этих фактов, их интерпретация и оценка (она неизбежно звучит даже в интонации рассказчика) ясно выражают авторскую позицию, которая в значительной мере определяется более поздней историей. А теперь давайте вспомним, что самые ранние письменные тексты Евангелий отстоят от времени евангельских событий примерно на те же тридцать лет и тоже неизбежно отражают позицию авторов или, скорее, общин, к которым авторы принадлежали.

Казалось бы, это не касается посланий, в которых мы отчетливо слышим голоса авторов и видим их неповторимую индивидуальность. Но это одновременно означает, что авторы пристрастны, а в целом ряде случаев мы не вполне

уверены, кто эти авторы: например, Послания Титу и Тимофею существенно отличаются от Посланий римлянам или коринфянам, и большинство исследователей считают, что автор у них не один и тот же; вполне вероятно, что эти более поздние тексты писали ученики Павла, отчасти (но только отчасти) пересказывая его идеи.

Вообще, периодически ставится вопрос о подлинности этих текстов. До нас не дошли оригиналы книг НЗ, как, впрочем, и любых других произведений античной литературы. Мы имеем дело с копиями копий, так что всегда можно предположить, что тот или иной пассаж отсутствовал в оригинале и был добавлен редакторами или переписчиками. Правда, то же самое обстоятельство не мешает нам воспринимать произведения Геродота или Цицерона как подлинные при всех возможных искажениях переписчиков и приписывании им других, более поздних произведений.

Более того, источники по раннему христианству далеко не ограничиваются списком книг НЗ. Существовали и другие тексты, отражавшие, как правило, несколько иной взгляд на те же события и проблемы, и если в истории со временем победила другая версия, которую мы сегодня считаем ортодоксальной, то это совсем не значит, что она была единственной или хотя бы самой распространенной. Правда, от прочих версий до нас дошло слишком мало текстов, не говоря уже о прочих источниках, так что реконструкция «альтернативного» или «подлинно изначального» христианства нередко приобретает черты фантастических романов, в которых смелость автора намного превосходит его осведомленность. Там, где не хватает фактов, всегда хочется восполнить этот недостаток реконструкциями, особенно такими, которые кажутся нам сегодня актуальными.

Неудивительно, в частности, что автор этой книги захотел в наши дни взглянуть на ту эпоху, когда христианство было полностью независимо от империи с ее властной

вертикалью, мощной армией и культом государственности. Главное, чтобы такой автор (т. е. я сам) не стал проецировать в прошлое свои нынешние представления и доказывать, что так было изначально и должно быть теперь.

Итак, эта книга ставит в центр внимания проблемы, связанные с реконструкцией идей, институтов и практик первых христиан. Что мы действительно знаем о раннем христианстве, о чем можем догадаться, что от нас скрыто и, возможно, останется скрытым навсегда? На чем основаны наши догадки, что может их подтвердить или опровергнуть? И самый важный, пожалуй, вопрос: что говорят наши реконструкции и теории не о предмете своего исследования, а о нас самих?

В Античности не делали стеклянных зеркал. Вместо них использовали полированные пластинки округлой формы из бронзы или серебра с ручкой, притом на пластинке обычно было выгравировано некое изображение, как правило, на мифологический сюжет. И модница, глядясь в такое зеркало, видела одновременно и меняющуюся себя, и неизменное изображение на зеркале. Примерно так происходит и с библейскими и раннехристианскими исследованиями: мы смотрим в древний текст и одновременно видим в нем самих себя, с нашими переменчивыми взглядами, представлениями, верованиями и интеллектуальной модой.

Отдельно стоит поговорить о соотношении научного знания и веры, тут мне придется кратко повторить сказанное в прошлой книге. Согласно НЗ, «вера кладет твердым основанием надежду и являет незримое» (Евр. 11:1)\*. Отталкиваясь от этого высказывания, можно сказать, что наука кладет основанием факты и логически предсказывает

---

\* Цитаты из НЗ, если не оговорено иное, даются в переводе автора, он опубликован на странице <https://perevod.desnitsky.net> и в виде отдельной книги — Десницкий 2025.

ненаблюдаемое. Более того, вера стремится к неким законченным формулировкам, которые не подлежат пересмотру, а наука по определению — вечно длящийся спор различных теорий, методов и направлений, у нее, вопреки расхожей поговорке, никогда не бывает последнего слова, если только это настоящая наука, а не подпорка для очередной идеологии.

Наука неотделима от такого понятия, как научный метод\*. Что это такое, точно определить трудно, но можно назвать следующие основные принципы, разделяемые практически всеми учеными:

- любое утверждение должно быть доказано (принцип верифицируемости);
- любое утверждение может быть опровергнуто (принцип фальсифицируемости);
- любое утверждение должно быть основано на законах логики;
- любое утверждение должно сопровождаться указаниями на его ограничения, сферу применимости и слабые места.

Критерий фальсифицируемости, выдвинутый в 1935 г. Карлом Поппером, с тех пор считается своего рода границей научного знания. Всякое научное утверждение может быть опровергнуто новыми фактами или экспериментами, если же оно неопровержимо — оно не является научным. Так, утверждение «Сын Божий воплотился от Девы Марии» не научно, поскольку не может быть такого эксперимента или такого объективного факта, пусть даже нам пока недоступного, который бы его опроверг. А вот утверждение «для христиан было

---

\* Об этом см. прежде всего: Степин 1999; Микешина 2005; Мархинин 2013; Лебедев 2018, а для точных наук — Язев 2008.

с самого начала характерно представление об Иисусе из Назарета как о Сыне Божьем, хотя конкретный характер этого сыновства разные общины и личности определяли по-разному» принципиально опровержимо и потому научно.

Обратим внимание, что научность не тождественна истинности. Более того, утверждение «наука доказала, что...» обычно неверно, потому что наука часто не дает окончательных ответов. Она предлагает объяснения наблюдаемой действительности, которые описывают наибольшее возможное количество фактов при наименьшем количестве допущений наиболее убедительным образом и позволяют давать наиболее точные прогнозы. При этом каждое новое объяснение само становится объектом критического анализа и часто сменяется другим, которое удовлетворяет этим критериям еще лучше. А нередко два или несколько объяснений сосуществуют параллельно, каждое со своими сильными и слабыми сторонами.

К тому же науки бывают разными. Рассказывают, что некогда на заседании Академии наук СССР вице-президент Академии математик Владимир Стеклов заявил: «Науки делятся на естественные и противоестественные». А историк Сергей Платонов на это ответил: «Нет, на общественные и антиобщественные». Действительно, образцовыми обычно считаются точные науки вроде физики, в них достижима абсолютная устойчивость и повторяемость результатов. Науки, посвященные живой природе, например биология, точны в меньшей степени, потому что живые организмы изменчивы и неповторимы. Социальные науки, которые имеют дело с сообществами разумных (хотя бы относительно) людей со свободной (та же оговорка) волей, еще дальше от воспроизводимости и предсказуемости результатов. И уж совсем сложно о них говорить, когда речь заходит о прошлом: его принципиально невозможно воспроизвести.

Значит ли это, что история не может быть наукой, что она всего лишь проекция очередной идеологии? Да, такая

«история» тоже существует, но она достаточно легко опровергается самими историками с помощью все тех же критериев научного метода\*. В начале XIX в. основная задача исторической науки была сформулирована прусским историком Леопольдом фон Ранке: «показать, как это было на самом деле». Он имел в виду примерно то же, что римский историк I–II вв. Тацит, который повествовал о прошедших событиях «без гнева и пристрастия»: не стремиться оправдать или обвинить исторических персонажей, не отбирать лишь удобные факты, не выполнять политический или общественный заказ на сборник приятных мифов о «великом прошлом нашего народа». Собственно, это и отличает честную историческую науку от идеологической пропаганды.

Такая цель прекрасна, и стремиться к ней, безусловно, следует. Однако за почти два столетия, прошедшие с тех пор, как фон Ранке высказал этот свой принцип, в гуманитарных науках изменилось очень многое, и эта цель уже не кажется столь легкодостижимой, как прежде. А что, если фактов у нас недостаточно, свидетельства невозможно проверить, они противоречат друг другу? А может ли каждый историк до конца абстрагироваться от собственных мнений и стать полностью объективным? А если нет, то не получится ли, что в наше постмодернистское время невозможно вообще никакая объективная «всеобщая история» и существует лишь набор разнообразных нарративов, из которых каждый выбирает себе подходящий, а при отсутствии подходящего конструирует новый? Здесь невозможно пересказать эту дискуссию даже в самых общих чертах, но если история по-прежнему считается наукой, значит, историки все же считают достаточную степень объективности достижимой.

---

\* Пример разносторонней научной критики так называемой новой хронологии можно найти в сборнике: Настенко 2000.

Когда мы приступаем к анализу повествований, изложенных в НЗ, проблема становится особенно острой. Речь идет о событиях, которые произошли (или предположительно произошли) примерно две тысячи лет тому назад; от них во множестве случаев не осталось, да и не могло остаться материальных подтверждений, а тексты, где они описаны, с момента своего появления на свет или вскоре после него были объявлены Священным Писанием, Божественным Откровением и сохраняют этот свой статус по сей день для разных религиозных групп. Стремление подтвердить или опровергнуть религиозные верования — один из самых частых мотивов исследователей, но подходы при этом могут быть очень и очень различными.

Здесь мне хотелось бы привести в качестве примера три доступные на русском языке работы трех авторов, принадлежащих к трем основным ветвям христианства. Строго говоря, в них трудно найти новые открытия, но они прекрасно показывают, как верующие исследователи сочетают предмет своего исследования — Библию, и в частности НЗ, — со своей личной верой. Иными словами, как встраивают они свидетельства о Христе в ткань своего собственного религиозного и вообще жизненного опыта.

Православный священник из США Теодор Стилианопулос предлагает относительно целостный взгляд на «Новый Завет в православной перспективе» и «многоуровневую герменевтику как эвристический подход» — так он сам называет свой взгляд\*. Он довольно похож на средневековую теорию «четырех смыслов Писания», только у Стилианопулоса этих уровней три: экзегетический (смысл текста в историческом контексте), оценочный (личное принятие) и «преображающий» (принятие истины). По сути, научный подход не выходит за рамки первого уровня, но два последующих

---

\* Стилианопулос 2008.

явно влияют на выводы каждого конкретного исследователя. Стилианопулос ищет, как можно гармонизировать эти столь разные голоса.

Немецкий протестант Герд Тайсен, чье имя еще не раз встретится нам в этой книге, предлагает взглянуть на «библейскую веру в эволюционной перспективе»\*. В фундаменталистской картине мира теория эволюции живых существ противоречит повествованию Книги Бытия о сотворении мира, но едва ли сегодня многие христиане готовы согласиться с фундаменталистами. С другой стороны, сама история христианства, равно как и других религий, может быть описана в эволюционной перспективе: идеи возникают, видоизменяются, конкурируют друг с другом и в конце концов побеждают те, которые дают их носителям некоторое преимущество. Пожалуй, это неплохой пример того, как мнимое противоречие в подходах оборачивается новой и эффективной моделью описания реальности. Тайсен предлагает описывать веру, исходя из естественно-научных моделей.

Третья из этих книг, самая личная и наименее академичная, написана бельгийской преподавательницей католического университета Бенедикте Леммелейн\*\*. Она рассказывает собственную историю, как она пришла к тому же выводу, что и многие до нее: далеко не все содержащиеся в Библии утверждения можно считать буквально истинными. Обычно такой вывод отталкивает людей от традиционной веры, но Леммелейн он привел к иному личному выбору — к вере без четко очерченной догматики, но с глубоким доверием к Богу. Так что Леммелейн, по существу, делает выбор, противоположный выбору Тайсена: научный анализ и личная вера сосуществуют параллельно и ничего не диктуют друг другу.

---

\* Тайсен 2009.

\*\* Леммелейн 2020.

Несомненно, подход трех этих авторов скорее личностный и психологический, нежели научный. Но стоит быть им благодарными за то, что они показывают, какие именно процессы происходят в их сознании, ведь ни один исследователь не является бесчувственным роботом, каждый так или иначе исходит из своих убеждений, верований, предпосылок — только мало кто признается в этом открыто, а еще реже бывает, что человек их подробно описывает и показывает, как именно они влияют на его работу.

Может ли теология быть наукой — вопрос, о котором много спорят сегодня в литературе на русском языке. Но бесспорно следующее: многие вполне научные теории, о которых речь пойдет в этой книге, предложены профессиональными теологами, а многие из них, в свою очередь, были священнослужителями той или иной конфессии.

Иногда это вызывает возмущение воинствующих атеистов, которые, по-видимому, сохраняют официальный советский подход к проблеме: научное мировоззрение может быть только атеистическим. Но боюсь, если отказаться в праве на научность всем верующим (например, основателю науки генетики аббату Грегору Менделю), слишком многое придется переоткрывать заново. Противоречия между верой и наукой, безусловно, существуют, они могут быть источниками как репрессий, которыми занимались и верующие, и атеисты, и агностики, так и творческого напряжения, которое заставляет открывать новое и двигаться вперед. Если вам такой подход не близок, сразу предупрежу, что эта книга вам, вероятно, не понравится.

Здесь самое время сделать и ряд других предупреждений. О многом не будет сказано в книге ни слова, потому что у нас просто нет никакой достоверной информации о том, как обстояли с этим дела в первые сто лет существования христианства, даже если потом эти вопросы стали важнейшими. Это, например, почитание Девы Марии или

возникновение традиционного богослужения. Более того, здесь не будет сказано даже про догмат о Троице (Отце, Сыне и Святом Духе как трех ипостасях единой Сущности) просто потому, что он тоже в нынешнем виде стал складываться в более позднее время. Крайне мало будет сказано и о роли женщин в ранней церкви, но все это не потому, что я считаю эти вопросы неважными, а потому, что у нас слишком мало оснований для серьезных выводов.

А о другом будет сказано довольно поверхностно; почти к каждому утверждению этой книги можно добавить поправки, контрпримеры и т. д. Многие утверждения будут выглядеть голословными, бездоказательными; для многих дискуссионных вопросов будут приведены лишь три-четыре, а то и две полярные точки зрения и не дана история вопроса, притом что на эти темы высказывались десятки и сотни авторов и простой обзор существующей научной литературы по любой из таких тем стал бы сопоставим по объему со всей этой книгой.

Практически каждое высказанное здесь суждение в той или иной степени приблизительно, его можно расширять, уточнять, оспаривать, приводить контрпримеры — и для этого понадобится написать другие книги. Я буду только рад, если они появятся. Эти недостатки — неизбежное следствие выбранного мной подхода: сделать общее введение в тему для неспециалистов. Я старался по мере необходимости вставлять слова «вероятно», «возможно» или «по мнению многих ученых», не вдаваясь в дальнейшие подробности, но, возможно, сделал это не везде, где следовало бы. Эта книга — не справочник, в котором содержится вся полнота информации, а скорее путеводитель, призванный познакомить читателя с интересной ему темой. Задача книги — не убедить читателя в безусловной правоте автора, а предложить ему материал для самостоятельных размышлений и выводов.

Конец ознакомительного фрагмента.

Приобрести книгу можно

в интернет-магазине

«Электронный универс»

[e-Univers.ru](http://e-Univers.ru)